

Научная статья

УДК 31: 394

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-88-100

## **Этнокультурные сообщества в глобальной информационной среде: российский контекст**

**Елена Анатольевна Ерохина**

Институт философии и права  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия  
leroh@mail.ru

### *Аннотация*

Развитие цифровых и информационных технологий социальной коммуникации трансформировало традиционные способы воспроизводства этнической солидарности. Это дало небывалый по мощи мобилизационный эффект этнической самоорганизации. Статья решает две задачи: во-первых, предлагает классификацию этнических сетей на основании выделения целей и ориентиров мобилизации, во-вторых, фиксирует новые способы их конструирования с использованием инновационных инструментов коммуникации. Делается вывод об усилении автономии этнических структур самоорганизации в условиях трансформации глобальной информационной среды.

### *Ключевые слова*

этнокультурные сообщества, глобализация, коммуникация, самоорганизация, социальная сеть, цифровые технологии, трансформация, информационная среда, этническая мобилизация

### *Для цитирования*

Ерохина Е. А. Этнокультурные сообщества в глобальной информационной среде: российский контекст // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 2. С. 88–100. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-88-100

© Ерохина Е. А., 2021

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 2. С. 88–100  
Siberian Journal of Philosophy, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 88–100

## Ethnocultural Communities in the Global Information Environment: Russian Context

Elena A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation  
leroh@mail.ru

### Abstract

The development of digital and information technologies for social communication has transformed the traditional ways of reproducing ethnic solidarity. This produced an unprecedented mobilization effect of ethnic self-organization. The article solves two problems: firstly, it offers a classification of ethnic networks based on the allocation of goals and mobilization guidelines, and secondly, it fixes new ways of constructing them using innovative communication tools. The conclusion is made about the strengthening of the autonomy of ethnic structures of self-organization in the context of the transformation of the global information environment.

### Keywords

ethnocultural communities, globalization, communication, self-organization, social network, digital technologies, transformation, information environment, ethnic mobilization

### For citation

Erokhina E. A. Ethnocultural Communities in the Global Information Environment: Russian Context. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 88–100. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-88-100

Парадоксом развития современного мира является встречное движение разнонаправленных векторов социальной эволюции: глобализация и деглобализация, урбанизация и деурбанизация, гуманизация и дегуманизация. Одним из наиболее ярких явлений в этом ряду остается этнический парадокс современности. Благодаря новым технологиям коммуникации глобализация усилила взаимозависимость государств и обществ, облегчила преодоление культурных и национальных границ, способствовала унификации нормативных стандартов и ценностных предпочтений. Вопреки прогнозам, основанным на популярной в середине XX века теории «плавильного котла», этнические различия не исчезают. Напротив, с развитием глобализации этническое разнообразие только усиливается за счет миграций. С наступлением пандемии COVID-19 объемы миграционных потоков сократились. Однако ускорение социальных изменений под ее воздействием, в том числе увеличение масштабов электронной коммуникации,

придало дополнительный импульс развитию сетевой самоорганизации. Под социальной сетью в данной статье понимаются формы горизонтальной самоорганизации, основанной на персональной вовлеченности в солидарные связи. Одной из таких форм является этническая самоорганизация.

Ренессанс этничности и родственных ей структур родства, свойства и землячества в условиях дефицита доверия социальным институтам, в том числе государству, усилил мобилизационный потенциал этнических связей, способствовал их возвращению в публичное пространство, активизировал гражданскую и политическую вовлеченность этнофоров. Следствием этого стало повышение степени автономности этнических сетей как относительно независимых от рынка и государства структур, в том числе в вопросах политического значения.

Одним из ярких событий 2020 года с участием этнических активистов стало противостояние защитников шихана Куштау с добывающей компанией «Башсод» в Республике Башкортостан. Хотя сам конфликт неправомерно оценивать как этнический ввиду полиэтничного состава участников с обеих сторон, отрицать данную составляющую вряд ли возможно. Протестующие аргументировали свою позицию обращением к ценностям, маркированным в региональном сообществе как «этнические»: преданности родной земле, памяти предков, заботе о благополучии потомков.

Таким образом, появление «новых», политических акторов этнической самоорганизации и активизация «старых», вовлеченных в развитие гражданского сектора игроков требуют осмысления их места в структуре современного российского общества. Кроме того, исследовательского интереса заслуживает и сама институциональная среда, воспроизводящая этнические связи. Степень автономности последних, их вовлеченности в другие сетевые, в том числе межэтнические, сообщества, характер и цели мобилизационной активности – сохранение природы, языка, культурного наследия, помощь социально-уязвимым слоям населения и солидарность в решении жизненных проблем, сохранение и развитие родовых связей, содействие родственникам и единоверцам, развитие национально-культурных центров и помощь в адаптации мигрантов, гражданский и политический активизм – заслуживают исследовательского интереса.

Противоречие, из которого вытекает фундаментальная проблема, заключается в том, что идея политического согражданства, объединяющая атомизированных индивидов общества потребления вокруг преданности национальному государству, переживают кризис доверия. Функцию коллективной мобилизации, преодолевающей индивидуальное отчуждение, берут на себя этнические сети. Благодаря современным средствам коммуникации они дают возможность выйти за пределы, заданные неформальными институтами: обычного права, моральной

экономики, взаимной поруки и т.п. Такое возвращение этничности в сферу публичного, институционального, требует нового языка описания.

Для понимания институциональной специфики происходящей в России социальной трансформации большое значение имеют исследования Т. Шанина [1999], посвященные специфике неформальных институтов и их роли в российском обществе, исследования В. Г. Федотовой об особенностях модернизации российского общества [1997]. Проблема семиозиса коллективной памяти и изживания коллективной травмы раскрыта в теоретико-методологических построениях московско-тартуской семиотической школы [Лотман, Успенский, 1971] и концепции социальных изменений Петера Штомпки [1996].

Исследование влияния средств коммуникации на процессы социальной мобилизации представлено в работах современных исследователей [Проскурин, Санников, 2018; Кужелева-Саган, Сучкова, 2019]. Изучению постсоветских практик социальной активности этносообществ в новых формах, с использованием новых механизмов и средств социальной коммуникации, посвящены публикации Т. Н. Литвиновой [2016], Л. В. Намруевой [2017], Л. А. Осьмук [2016]. Эти исследователи рассматривают социальную активность с позиций социокультурных и структурных трансформаций, сопровождающихся возникновением новых социальных неравенств и формированием новых институтов.

Принципиальным для дальнейшего исследования моментом является рассмотрение этнических сообществ как элементов сетевой самоорганизации, укорененных в институтах родства, общины, землячества. Культурные различия между сообществами выступают основаниями для структурирования набора правил, включающих представление о членстве и механизмах поддержания границ.

В генезисе локальной цивилизации этническое многообразие предопределяет наличные этнокультурные связи как ее субстрат и своеобразие межэтнических взаимодействий как результат ее синтеза. В динамике социальных изменений этническое многообразие как фактор, зависимый от них, продуцирует воспроизводство устойчивых форм социокультурной динамики: этническую фрагментацию и межэтническую интеграцию. Данная инверсия эмпирически наблюдаема в маятниковых колебаниях роста и затухания этнополитической активности.

В постсоветский период можно выделить два периода возрастания этнополитической активности и гражданского активизма, использующего элементы этнической мобилизации: первая половина 1990-х гг. (суверенизация) и современный (рубеж 2010–2020-х гг.). Для раннего постсоветского периода были характерны стремление к повышению политического статуса национальных республик в составе РФ, движение за национально-культурную автономию как экстеррито-

риальный способ решения национального вопроса, преодоление коллективной травмы, вызванной модернизацией, через развитие родного языка, исторической памяти, возвращение историко-культурного наследия. Для современного периода характерен рост личных, гражданских и политических инициатив, выходящих далеко за пределы этноцентричного понимания культурного ренессанса «своей» этнической общности.

Число таких инициатив включает родовое движение, помощь и поддержку родственникам, соплеменникам и единоверцам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, поддержка семей с детьми-инвалидами и оставшихся без попечения родственников престарелых и социально уязвимых граждан, нуждающихся в медицинском сопровождении, активизм, нацеленный на сохранение природного и историко-культурного наследия, коллективная мобилизация в поддержку справедливого решения этнополитических вопросов: языковых, территориальных, представительских. Таким образом, можно говорить о понимании этнокультурных интересов в более широкой, нежели ранний период, интерпретации. Такая интерпретация предполагает включение в «ближний» круг интересантов не только представителей «своей» этнической группы, но, шире, всех заинтересованных в решении той или иной проблемы представителей соответствующих межэтнических сообществ.

Всякая социальная сеть обладает известными чертами автономности от других подобных ей структур. Однако для своего воспроизводства она нуждается в социальных институтах. Базовыми институтами, ответственными за воспроизводство этнических связей, выступают неформальные институты: родство, свойство, землячество. Государство и рынок, нацестроительство и социальная трансформация выступают альтернативными, но в то же время дополняющими по отношению к этнической самоорганизации феноменами. На пересечении формальных и неформальных институтов возникают такие явления как торговая диаспора, община ведущих традиционный образ жизни представителей КМНС, этнический рынок, семейно-фермерское хозяйство.

В настоящей статье будут выявлены основные направления мобилизационной активности этнокультурных и межэтнических сообществ, обеспеченных институтами семьи и расширенного родства, религии и общественных объединений. Речь пойдет о родовом движении, социальной помощи и благотворительности, неформальных отношениях патроната и клиентеллы, гражданском активизме. Первым по значимости в этом ряду оказывается родовое движение, развитие родственных и земляческих отношений, поддержание семейных традиций и практик экзогамии, родовых отношений, в том числе благодаря использованию новейших систем коммуникации.

Поддержание родственных и земляческих отношений направлено на удовлетворение самого широкого спектра личных потребностей, включая потребности самого высокого уровня, уровня самореализации. С распадом СССР и связанных с ним институтов в российском обществе усилились тенденции архаизации, что вызвало к жизни традиционные формы социальной организации. Среди этих форм наиболее древней является родство. У тюркских и монгольских народов Сибири институт родства в большей степени, чем у славянских народов, сохранил свою роль публичного института, что и послужило причиной институционализации родового движения в постсоветский период. Так, например, в Республике Алтай возродился институт зайсаната, в Республике Хакасия был создан Совет старейшин родов хакасского народа. Родовое движение, которое началось со встреч родственников в родовых селениях, совместных поклонений культовым местам на родовых территориях, празднования особых дат, за 30 лет приобрело новые формы, стало присутствовать в социальных мессенджерах, расширило свои функции. Как показали исследования О. Л. Лушниковой, в настоящее время родовое движение играет двойную роль: внутриродовой интеграции и межродовой дифференциации. При этом родство носит расширенный характер, включая не только членов рода, но и родственников вообще [Лушникова, 2015, с. 10].

Кроме манифестации этнической и родовой принадлежности, позволяющей группе заявлять о своих правах на символическое и общественное признание в межэтническом сообществе, родовое движение играет важную роль в поддержании правил экзогамии. Согласно этому обычаю, браки не должны заключаться внутри одного рода или между представителями родственных родов. На родовых собраниях не только встречаются и знакомятся, но и уточняют родовые генеалогии по отцовской и материнской линии. По наблюдениям Н. А. Тадиной, в родовых собраниях могут принимать участие представители сватовских и родственных родов, родов, образующих с ним единую родовую группу [2018, с. 145].

По свидетельству Ч. К. Ламажаа, в настоящее время родовое движение тувинцев, существующее в форме социальной сети, использует все доступные ресурсы коммуникации в повседневном общении, в том числе электронные и цифровые. Это облегчает возможность личных встреч, совместное празднование памятных дат и значимых для рода событий, участие в онлайн-голосованиях

различных творческих конкурсов за продвижение поддерживаемого сообществом кандидата <sup>1</sup>.

Значимой функцией родовой поддержки является солидарное участие, которое предполагает помощь соплеменникам и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, испытывающим какую-либо нужду, связанную с поддержкой детей-инвалидов или оставленных без попечения стариков, людей, испытывающих проблемы со здоровьем. Эту задачу берут на себя не только представители «расширенной» семьи, но и религиозные общины, с деятельностью которых связаны этнокультурные сообщества: православная церковь среди славян, исламская умма среди народов Кавказа и Средней Азии, буддистская сангха среди калмыков, бурят и тувинцев.

Религиозные организации выступают посредниками среди верующих в определении приоритета оказания социальной помощи нуждающимся в ней, берут на себя заботу по опеке детей без попечения родителей. Социальные доктрины традиционных для России конфессий ориентируют верующих на противодействие экстремистским сектам, вовлекающим несовершеннолетних в свою деятельность. Своим авторитетом, а также конкретными мерами и действиями религиозные организации помогают встрече тех, кому нужна помощь, с теми, кто готов ее оказать. Поводом для встречи оказывается молитвенное общение, причиной обратиться за помощью в общину – принадлежность к той или иной традиционной религии, следствием же может стать социальная помощь нуждающимся.

Особого интереса в плане масштаба деятельности заслуживают благотворительные миссии Русской православной церкви и исламских муфтиятов в России и зарубежье. Например, в структуре Русской православной церкви существует синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ, деятельность которого включает работу с инвалидами, бездомными, нарко- и алкоголезависимыми, лицами, оказавшимися в чрезвычайной ситуации, одинокими матерями, паллиативную помощь и помощь соотечественникам. Отдел выступил одним из координаторов помощи пострадавшим от коронавируса в пандемию. Он курирует работу сотен социальных проектов, приютов, центров гуманитарной помощи, участвует в оказании помощи пострадавшим от природных и техногенных катастроф.

Общественные организации религиозного толка имеют не только развитую инфраструктуру социальной взаимопомощи, но и собственные СМИ. Так, одним из массовых изданий, курируемых Духовным управлением мусульман Дагестана,

---

<sup>1</sup> Объединенное заседание семинаров «Этносоциальные процессы в Сибири» и «Актуальное тувиноведение». ФГБУН Институт философии и права СО РАН, 7 апреля 2021. URL: <https://www.philosophy.nsc.ru/node/813> (дата обращения 15.04.2021).

является всероссийская духовно-просветительская газета «Ас-Салам» (Добрая газета). Она издается с 1994 года на девяти языках, в том числе русском. Ее тематика касается как понимания религиозной сущности ислама, так и светских вопросов. На ее страницах даются советы по разрешению трудных жизненных ситуаций, возникающих в сфере правоприменения, образования и здравоохранения, социальной помощи, поддержке материнства и детства. В газете практически отсутствует реклама и распространяется она благодаря личным пожертвованиям.

Расширение цифровых платформ позволило создать дополнительные возможности для религиозных организаций и общин. Интернет открыл широкие возможности для знакомства и общения на расстоянии, распространения информации, совместных проповедей и молитв.

Связь религии с этнической солидарностью проявляется не только в благотворительности и социальной помощи соплеменникам и единоверцам. Еще одной формой такой связи являются неформальные, в первую очередь экономические и трудовые практики, обеспечивающие доступ к ограниченным благам и ресурсам в городе (особенно в диаспорах) и на селе, в том числе в сообществах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, иных народов, ведущих традиционный образ жизни.

Как показали исследования, осуществленные автором статьи в национально смешанных поселениях Обского Севера (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов), жизненно важной доминантой самоорганизации аборигенных народов остается чувство общности, укорененное в социальных институтах родства, свойства и землячества. Северные аборигены сохранили свою родовую структуру, традиционные знания, определенные формы трудовой взаимопомощи в промысловой деятельности, кооперацию в определении маршрутов кочевий и организации самообеспечения на родовых угодьях.

Нет ничего удивительного в том, что сильные родовые и земляческие структуры сохраняют свое влияние на обычаи и традиции, ценностные ориентиры и поведение северных автохтонов, хантов и ненцев. Ориентации на неформальные связи свойственны и представителям диаспор Кавказа и Средней Азии на Обском Севере, азербайджанцам и ногайцам. Примечательно то обстоятельство, что представители более урбанизированных этносов, например русские, украинцы и татары, также отмечали свою включенность в миграционные потоки, движущиеся на Север в постсоветский период, в перемещение по сети родства и землячества. Такой «номадизм», отражающий вовлеченность представителей славянских, тюркских и иных этносов, выходцев из центральных и приволжских, сибирских и южных регионов России, в семейные, родственные и земляче-

ские сети, показывает чрезвычайную востребованность неформальных институтов как источника доступа к престижным и доходным рабочим местам, перспективам карьерного трудоустройства, определенным социальным преимуществам [Ерохина, 2019, с. 74].

В определенных случаях этническая солидарность выходит за пределы родовых и локальных групп, давая импульс гражданской самоорганизации, например, в ситуации коллективной мобилизации сообществ, защищающих среду обитания, памятники природного и историко-культурного наследия. Ярким примером такого рода мобилизации является уже упомянутое противостояние между экологическими активистами и частными охраняемыми предприятиями «Башкирской содовой компании», развернувшееся в августе 2020 года. По воспоминаниям очевидцев событий, с момента получения «Башсодой» разрешение на разработку Куштау в 2018 г., на шихане стали проходить собрания в защиту этого памятника, к участию в которых привлекали ученых, религиозных деятелей, политиков. Защитники в перспективе надеялись на включение трех сохранившихся шиханов в список объектов ЮНЕСКО. Когда в конце июля – начале августа 2020 года компания приступила к вырубке леса на склоне шихана, активисты разбили у его подножия лагерь. В течение первой половины августа палаточный лагерь рос, росло и число защитников памятника. Днем 16 августа глава Республики Башкортостан Радий Хабиров призвал противоборствующие стороны разойтись, пообещав прекратить работы до тех пор, пока не будет найден компромисс.

Примечательно, что в процесс гражданской мобилизации, ядро которой первоначально состояло в основном из представителей титульного для Башкортостана этноса, оказались вовлечены представители межэтнического сообщества, не принадлежащие к данной группе: русские, татары, представители иных национальностей. При этом активность проявили, судя по воспоминаниям очевидцев, представители всех поколений <sup>2</sup>.

Таким образом, основываясь на эмпирических наблюдениях за социальной реальностью, открывается возможность построения типологии сетевых структур этнической самоорганизации. Таких типологий может быть две: первая основана на основании мобилизационной мотивации (социально-ориентированные // партикулярные), вторая – на основании включенности во внешние процессы (интракоммуникация // экстракоммуникация). Объединение указанных типоло-

---

<sup>2</sup> Сугуева Ю. Мы – защитники Куштау. Краткая история протестов на шихане в Башкортостане, которые (пока) закончились победой местных жителей. Медиазона, 22 августа 2020. URL: <https://zona.media/article/2020/08/22/kushtau-toratau> (дата обращения 15.04.2021).

гий позволяет создать классификацию, необходимую для понимания того, какими бывают способы этнической самоорганизации.

К социально-ориентированным связям следует отнести все формы социального и гражданского участия в силу их ориентации на формирование общественной инфраструктуры социальных благ: неделимых, неотчуждаемых, доступных всем без исключения. К таковым относятся социальная благотворительность и разнообразные формы гражданского активизма. К партикулярным следует отнести расширенное родство и неформальные отношения, открывающие доступ к ограниченным ресурсам только членам неформальной сети.

Характер отношений с внешней средой позволяет говорить о фрагментации (обособлении) или интеграции (сближении) для достижения общих с другими представителями межэтнических сообществ интересов. В первом случае речь идет о формировании внутренних условий для саморазвития, усилении собственного потенциала и самодостаточности (интракоммуникации) этноконфессиональных сообществ и родовых коллективов. Во втором случае сообщества, ориентированные на формирование благоприятных внешних условий, имеют доступные правила членства и открытые границы в межэтническом сообществе, направлены на расширение связей с внешней средой (экстракоммуникацию). Это и общинные, и земляческие (диаспоральные) структуры, членство в которых может быть не только аскриптивным (по факту рождения или состояния в отношениях родства), но и приобретенным (по факту оказания взаимных услуг или в силу обладания персональным авторитетом в данной среде). Это также и гражданские движения, межэтнические по своему составу, генезис которых связан с этническим возрождением: сохранением родных языков и элементов традиционной культуры, памятников природного и историко-культурного наследия.

Современные средства коммуникации возвращают в публичное пространство этнические сообщества, подвергая их двойной институционализации – как общественные объединения и как неформальные структуры – благодаря электронным мессенджерам. Этнические сети, автономные от рынка и государства социальные структуры, усиливают свое влияние в локальных и региональных сообществах. Государство из ведущего игрока превращается в один из субъектов публичной политики на этническом поле. Рост влияния независимых от государства акторов требует более тонкой настройки этносоциального менеджмента, учитывающего интересы самого широкого круга акторов, вовлеченных в воспроизводство и конструирование этнической среды.

### Список литературы

- Ерохина Е. А.** Северный «номадизм»: мобильность этнических групп коренного и некоренного населения в практиках пространственного освоения Сибири (на примере Сургутского района ХМАО – Югры) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 66–76.
- Кужелева-Саган И. П., Сучкова Н. А.** Онтология сетевого общества и культура сетевых кочевников: методологические подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 440. С. 58–63.
- Литвинова Т. Н.** Вызовы социально-экономической и политической модернизации на Северном Кавказе // Наука. Культура. Общество. 2016. № 4. С. 22–33.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. Ф.** О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. С. 144–166.
- Лушникова О. Л.** Социокультурный капитал рода в современных условиях: социологический анализ: Дис. ... канд. соц. наук. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2015.
- Намруева Л. В.** Этнокультурный потенциал как фактор стабильности межэтнических отношений в Республике Калмыкия (по итогам опроса 2017 г.) // Пальмовский вестник / Мин-во культуры и туризма Респ. Калмыкия; Нац. музей Респ. Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Элиста, 2017. С. 27–31.
- Осьмук Л. А.** Модернизация традиционных социокультурных практик в Сибири // Siberian Socium. 2018. Т. 2, № 3. С. 51–61.
- Проскурин С. Г., Санников С. В.** Переносы информации во времени и пространстве: культурные трансферы // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 238–249.
- Тадина Н. А.** От родовых «камней» алтайцев до памятных знаков Республики Алтай // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 142–150.
- Федотова В. Г.** Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.
- Шанин Т.** Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 11–32.
- Штомпка П.** Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.

### References

- Erokhina E. A.** Severnyj “nomadizm”: mobilnost etnicheskikh grupp korenного i nekorennogo naseleniya v praktikakh prostranstvennogo osvoeniya Sibiri (na primere Surgut'skogo rajona KHAMAO – Yugry) [“Nomadism” of the North: Mobility of Ethnic Groups of Indigenous and Non-indigenous Population in the

- Practices of Spatial Development of Siberia (the Case of Surgut region of Yugra)]. *The New Research of Tuva*, 2019, no. 3, pp. 66–76. (in Russ.)
- Fedotova V. G.** Modernization of the “Other” Europe. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 1997. (in Russ.)
- Kuzheleva-Sagan I. P., Suchkova N. A.** The Ontology of the Network Society and the Culture of Digital Nomads: Methodological Approaches [Ontologiya setevogo obshchestva i kultura setevykh kochevnikov: metodologicheskie podkhody]. *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 440, pp. 58–63. (in Russ.)
- Litvinova T. N.** The Challenges of Socio-economic and Political Modernization in the North Caucasus [Vyzovy sotsialno-ekonomicheskoy i politicheskoy modernizatsii na Severnom Kavkaze]. *The Science, the Culture, the Society*, 2016, no. 4, pp. 22–33. (in Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. F.** On the Semiotic Mechanism of the Culture. In: Publications on the Sign Systems. Tartu, 1971, pp. 144–166. (in Russ.)
- Lushnikova O. L.** Sociocultural Capital of the Tribe in Modern Conditions: Sociological Analysis. Abakan, Khakass state university Press, 2015. (in Russ.)
- Namrueva L. V.** Ethnocultural Potential as a Factor of Stability of Interethnic Relations in the Republic of Kalmykia (based on the 2017 survey). In: *Palmovsky Bulletin*, National Museum of the Republic of Kalmykia, Elista, 2017, pp. 27–31. (in Russ.)
- Osmuk L. A.** The Modernization of Traditional Socio-cultural Practices in Siberia [Modernizatsiya traditsionnykh sotsiokulturnykh praktik v Sibiri]. *Siberian Socium*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 51–61. (in Russ.)
- Proskurin S. G., Sannikov S. V.** Transferences of Information in Space and Time: Cultural Transfers [Perenosy informatsii vo vremeni i prostranstve: kulturnye transfery]. *Critique and Semiotics*, 2018, no. 2, pp. 238–249. (in Russ.)
- Shanin T.** Expolar Structures and the Informal Economy of Modern Russia. In: *The Informal Economy. Russia and the World*. Moscow, 1999, pp. 11–32. (in Russ.)
- Shtompka P.** Sociology of Social changes. Moscow, Aspect-Press, 1996. (in Russ.)
- Tadina N. A.** From the Tribal “Stones” of Altai People to the Memorable Signs of the Altai Republic [Ot rodovykh “kamnej” altajtsev do pamyatnykh znakov Respubliki Altaj]. *Bulletin of Archeology, anthropology and ethnography of Eurasia*, 2018, no. 3 (42), pp. 142–150. (in Russ.)

**Информация об авторе**

**Елена Анатольевна Ерохина**, доктор философских наук

**Information about the Author**

**Elena A. Erokhina**, Doctor of Sciences (Philosophy)

*Статья поступила в редакцию 29.04.2021;  
одобрена после рецензирования 24.05.2021; принята к публикации 24.05.2021  
The article was submitted 29.04.2021;  
approved after reviewing 24.05.2021; accepted for publication 24.05.2021*